

УДК 343.45

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-91-106>

Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности?

И. С. Алихаджиева¹ ✉

¹Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

Актуальность статьи определяется рассмотрением вопроса соотношения персональных данных и сведений о частной жизни лица, составляющих его тайну, в целях единообразного правоприменения. Особое внимание обращается на позицию Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, сформировавших практику толкования судами общей юрисдикции понятий частной жизни и личной тайны.

Целью исследования является дополнение теории уголовного права новым знанием о критериях отграничения рассматриваемых терминов с учетом их разности и квалификации преступлений, посягающих на неприкосновенность тайны частной жизни, личной тайны и персональных данных для эффективного противодействия им.

Задачи: на основе сложившихся позиций теоретиков и следственно-судебной практики разграничить рассматриваемые понятия и предложить рекомендации в части уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых в отношении неприкосновенности частной жизни и персональных данных.

Методология исследования представлена общенаучными и частнонаучными методами познания объективной действительности. Свое применение в работе нашли методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также системно-аналитический, формально-юридический, формально-логический и документальный методы.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и включают разработку для правоприменителя рекомендаций, касающихся оценки наличия в деянии признаков состава преступления, посягнувшего на неприкосновенность частной жизни, личной тайны или персональных данных. На конкретных примерах показано формальное толкование погашенной или снятой судимости как персональных данных при ее юридическом отсутствии. Для обеспечения баланса частных и публичных интересов обоснован иной подход к пониманию судимости как личной тайны в случае ее погашения или снятия.

Вывод. В правоприменительной практике не существует четких критериев разграничения, в каком случае средствами уголовного права охраняется частная жизнь, личная тайна, а в каких – персональные данные. Поддерживается предложение о введении самостоятельной ответственности за незаконные действия с персональными данными, которые необязательно могут быть сведениями, составляющими частную жизнь или личную тайну.

Ключевые слова: частная жизнь; личная тайна; семейная тайна; персональные данные; судимость; судебная практика; погашение судимости.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Алихаджиева И. С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правоприменителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 91–106. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-91-106>.

Поступила в редакцию 11.03.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Опубликована 27.04.2024

Private Life, Personal Secret or Personal Data: How to Interpret Information about the Person to the Law Enforcement Officer?

Inna S. Alikhadzhiyeva¹ ✉

¹Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

Relevance of the article is determined by considering the problem of interpreting the relationship between personal data and information about the private life of a person constituting his secret for the purpose of uniform law enforcement. Particular attention is paid to the position of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, which have formed the practice of interpretation by courts of general jurisdiction of the concepts of private life and personal secrecy.

The purpose of the study is to supplement the theory of criminal law with new knowledge about the criteria for delimiting the terms under consideration, taking into account their difference and the qualification of crimes that encroach on the inviolability of privacy, personal secrets and personal data to effectively counter them.

Objectives: on the basis of the established positions of theorists and investigative and judicial practice, distinguish between the concepts under consideration and propose recommendations regarding a criminal law assessment of acts committed in relation to privacy and personal data.

Methodology. The research methodology is represented by general scientific and private scientific methods of knowing objective reality. Methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as system-analytical, formal-legal, formal-logical and documentary methods found their application in the work.

The results of the study are of a theoretical and applied nature and include the development of recommendations for the law enforcement officer regarding the assessment of the presence of evidence of corpus delicti that encroached on privacy, personal secrets or personal data. The specific examples show the formal interpretation of the extinguished or withdrawn criminal record as personal data in its legal absence. To ensure the balance of private and public interests, a different approach to understanding criminal records as a personal secret in the event of its repayment or removal is justified.

Conclusion. In law enforcement practice, there are no clear criteria for delineation, in which case private life, personal secrecy, and in which personal data are protected by means of criminal law. The proposal to introduce independent responsibility for illegal actions with personal data, which may not necessarily be information constituting privacy or personal secrets, is supported.

Keywords: private life; personal secrecy; family secrecy; personal data; criminal record; jurisprudence; repayment of a criminal record.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Alikhadzhiyeva I. S. Private Life, Personal Secret or Personal Data: How to Interpret Information about the Person to the Law Enforcement Officer? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 91–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-91-106>

Received 11.03.2024

Accepted 02.04.2024

Published 27.04.2024

Введение

В эпоху цифровых технологий, без которых невозможно представить жизнь современного общества, обеспечение сохранности персональных данных, многие

из которых составляют сведения о частной жизни, личную или семейную тайну, является актуальной проблемой. О. С. Капинус верно раскрывает ее суть: «Скорость и объемы обрабатываемой инфор-

мации, а также относительная доступность ее противоправного получения, в том числе из государственных и частных баз данных, образуют необходимость усиления защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, в том числе связанных с неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайны при аккумулировании, передаче, копировании и использовании персональных данных» [1, с. 10].

Для понимания масштаба проблемы деанонимизации персональных данных приведем статистические показатели. В 2023 г. объем утечек конфиденциальной информации составил 1,12 млрд записей, что на 60% больше, чем в прошлом году. На долю российских компаний за 2023 г. приходилось 95 крупных утечек баз с личными данными (в сравнении с 2022 г. прирост 28%). В 80% случаев личные сведения попадали в открытый доступ в связи с хакерскими атаками киберпреступников, а каждый десятый инцидент потери чужих данных произошел по вине сотрудников. Оценить реальную ситуацию с украденными персональными данными нельзя ввиду невозможности установить их точный объем: в 35% утечек неизвестно, какое количество записей оказались скомпрометированными.

Мониторинг судебной практики показывает, что правоприменитель сталкивается с проблемой толкования закрытой информации о человеке как предмета преступления в качестве персональных данных или личной тайны. Ввиду отсутствия прямого упоминания персональных данных в нормах УК РФ (кроме ст. 173² УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица») возникает вопрос: когда незаконные действия с ними следует квалифицировать как преступление, предусмотренное ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни»? Правоприме-

нитель не определился в уголовно-правовой оценке незаконных действий по собиранию и распространению личной информации, предлагая разные ее варианты. Как показывают приговоры, за одно и то же деяние при одних и тех же обстоятельствах суды признают фигурантов виновными либо по ст. 137 УК РФ, либо в совокупности с ней вменяют и другие составы преступлений: ст. 138, 272, 285, 286, 290 УК РФ [2, с. 285].

Для разрешения проблемы неединообразия правоприменительного подхода в отношении личных данных, выступающих и как тайна частной жизни или личная тайна, и как персональные данные, теоретиками опубликованы научные исследования на эту тему. Среди них можно выделить работы Н. Б.-К. Гулиевой [3], Р. И. Дремлюги [4], В. М. Елина, А. К. Жаровой [5], А. Карапетяна [6], Р. Р. Кильдеева [7], Н. И. Пикурова [8], О. В. Судаковой [9], М. А. Филатовой [10] и др.

Методология

Для раскрытия сути заявленной темы автором в качестве научного инструментария использовались общенаучные и частнонаучные методы объективного познания действительности. Свое применение в работе нашли методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, позволившие описать актуальность исследования, определить и разграничить понятия частной жизни, личной тайны и персональных данных. Благодаря системно-аналитическому и документальному методу был выполнен анализ правоприменительной практики с выборкой уголовных дел, включающих информацию о совершении незаконных действий с персональными данными, посягательств против неприкосновенности частной жизни, личной тайны. С их помощью изучены решения и постановления Конституционного и Верховного судов РФ, научные позиции ученых по рассматриваемой тематике. Основой для авторских суждений

и выводов явились формально-юридический и формально-логический методы, оказавшие содействие в построении исследовательского материала, его структурировании и формулировании результатов работы.

Результаты и их обсуждение

Для начала следует определиться с двумя понятиями, характеризующими суть категорий «частная жизнь», «личная тайна» и «персональные данные». Термины «частная жизнь», «личная тайна» в законе не раскрываются, в связи с чем их дефиниция и содержание формулировались Конституционным Судом Российской Федерации. Правовая позиция неоднократно им подтверждалась в определениях от 9 июня 2005 г. № 248-О, от 26 января 2010 г. № 158-О-О, от 24 декабря 2013 г. № 2128-О и других и гласит: «Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. ...Лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации»¹. По Федеральному закону № 152 персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определённому

физическому лицу (субъекту персональных данных). Разграничить два понятия, по сути означающие информацию, сложно, тем более что целью Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее ФЗ № 152, закон о персональных данных) объявляется обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 2). Об этом пишут и комментаторы закона о персональных данных.

Так, А. И. Савельев отмечает, что регулируемые законодательством о персональных данных отношения, с одной стороны, не в полной мере охватывают ситуации, которые подпадают под действие права на неприкосновенность частной жизни, а с другой – явно выходят за его рамки [11, с. 43]. В. В. Долинская считает, что ФЗ № 152 не ограничивается сферой частной жизни гражданина, регулируя отношения, как связанные с информацией о личной или семейной тайне, так и по поводу публичной и общедоступной информации [12, с. 5].

Продолжая эту мысль, В. Д. Рузанова верно подмечает, что «регулирование отношений, связанных с персональными данными, сочетает в себе как публично-правовые, так и частноправовые элементы, однако, исходя из цели закона о персональных данных, можно говорить о «частноправовой» направленности их правового режима. Вместе с тем следует учитывать права и законные интересы общества в целом, государства и бизнеса как полноправных участников отношений в этой сфере» [13, с. 19]. Она же проводит четкую границу между персональными данными, составляющими в том числе личную или семейную тайну, и самой тайной частной жизни. По ее мнению, защита прав на неприкосновенность частной жизни человека осуществляется только в связи с обработкой его персональных данных с использованием

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133029/ (дата обращения: 14.02.2024).

средств автоматизации или систематизированных картотек персональных данных. А потому ФЗ № 152 не распространяется на данные, составляющие личную или семейную тайну, если они не связаны с обработкой, о которой говорится в законе [13, с. 20].

Очевидно, что нарушение права на неприкосновенность частной жизни выражается не только в форме совершения незаконных действий с персональными данными, имеющими свой режим охраны (конфиденциальность), но и в отношении сведений личного, интимного характера, не подлежащих обработке (режим тайны). Исходя из этого положения, отграничивающего персональные данные от сведений о частной жизни, личной или семейной тайны, следует поддержать предложения ученых о введении в УК РФ самостоятельной нормы, предусматривающей ответственность за незаконные действия с персональными данными именно в главу о преступлениях против личности [14, с. 142; 15, с. 334].

Анализ конституционных норм (ст. 23, 25, 29 Конституции РФ) и регулятивного законодательства с мониторингом следственно-судебной практики позволяет сформулировать рекомендации, направленные на минимизацию правоприменительных ошибок. При решении вопроса о наличии в деянии признаков состава преступления, посягнувшего на неприкосновенность частной жизни, личной тайны либо персональных данных, правоприменителю *необходимо учитывать*:

1. Имели ли место незаконные соби-
рание или распространение сведений, со-
ставляющих тайну частной жизни, лич-
ную тайну (т. е. каким образом получена
конфиденциальная информация, на каком
основании и почему она распространяет-
ся). В случае установления, что лицо не
имело право собирать или разглашать за-
крытые личные данные, в его действиях
усматриваются все признаки состава пре-
ступления, предусмотренного ст. 137 УК

РФ. К примеру, Первый кассационный
суд общей юрисдикции оставил без из-
менения обвинительный приговор экс-
начальнику отдела дознания отдела по-
лиции УМВД России по г. Воронежу П.
Левобережным районным судом г. Воро-
нежа она была признана виновной в со-
вершении служебного подлога (ч. 1
ст. 292 УК РФ) и в нарушении неприкос-
новенности частной жизни (ст. 137 УК
РФ). Из приговора следует, что П. осуще-
ствила незаконные сбор и распростране-
ние сведений, составляющих личную
тайну малолетнего одноклассника своего
сына. Для того чтобы добиться перевода
конфликтующего с детьми мальчика с
плохим поведением в другую школу, она
от имени должностного лица под предло-
гом несуществующей процессуальной
проверки запросила из психоневрологи-
ческого диспансера данные о диагнозе
ребенка, составляющие личную и меди-
цинскую тайну. Получив ответ из меди-
цинского учреждения, П. передала класс-
ному руководителю медицинскую справ-
ку. Во избежание уголовной ответствен-
ности П. попросила свою знакомую
написать заявление в отношении матери
ребенка о якобы применении ею насилия
к малолетнему, которое явилось основа-
нием для истребования сведений о диа-
гнозе школьника¹.

2. Охватывалось ли умыслом винов-
ного, что сведения о частной жизни
гражданина хранятся им в тайне. Други-
ми словами, решая вопрос о наличии в
действиях лица состава преступления,
предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 137 УК
РФ, следует учитывать, принимал ли по-
терпевший меры к утаиванию личных
сведений о себе. Так, постановлением
Девятого кассационного суда общей

¹ Кассационное постановление Воро-
нежского областного суда от 02.02.2024 по
уголовному делу № 77-236/2024 // Первый
кассационный суд общей юрисдикции: сайт.
URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=552 (дата обращения:
14.02.2024).

юрисдикции признано недоказанным знание К., что потерпевшие хранили сведения о месте захоронения умершего, дате рождения и смерти в тайне, и то, что он имел умысел распространить эту информацию¹.

3. Имелось ли согласие лица на распространение сведений, содержащих тайну частной жизни или личную тайну. Например, С., работая фельдшером областной станции скорой медицинской помощи по приему вызовов и передаче их выездным бригадам, получила информацию о смерти пациентки. Ее фамилию, возраст, адрес проживания и номер мобильного телефона сына, вызвавшего бригаду скорой медицинской помощи, С. передала сотруднику центра ритуальных услуг. В обвинительном приговоре Ленинский районный суд г. Пензы установил, что распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну, являлось незаконным, поскольку осуществлялось без согласия потерпевшего – сына умершей². При этом следует иметь в виду, что не все данные из категории персональных относятся исключительно к конфиденциальной информации. К примеру, согласно ст. 8 ФЗ № 152 персональные данные (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и др.) с письменного согласия их владельца могут включаться в общедоступные источники.

¹ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 по делу № 77-769/2022. Приговор: по ч. 1 ст. 137, ч. 2 ст. 159 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни; мошенничество). Постановление: приговор отменен, дело передано на новое апелляционное рассмотрение.

² Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 30.06.2022 по делу № 1-192/2022 // Актофакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-58RS0018-1-192-2022-2022-06-16-2-0/?ysclid=ltyfxuue73522021088> (дата обращения: 14.02.2024).

4. Осуществлялось ли распространение сведений о частной жизни в государственных, общественных или иных публичных интересах. Верховным Судом РФ в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» было дано разъяснение, при каких условиях отсутствуют признаки состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Уголовная ответственность за сбор или распространение сведений о частной жизни гражданина исключается, если они собирались или распространялись в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также «ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле»³.

5. Являлись ли личные сведения общедоступными, в том числе ввиду их распространения самим гражданином (в социальных сетях, в СМИ, в ближайшем окружении). Подтверждают такой вывод и аргументы теоретиков. Так, Н. И. Пикуров верно пишет: «Расширение возможностей общения в социальных сетях приводит к появлению таких видов личной тайны, которые человек делит со строго определенным кругом лиц, считая их друзьями. В таком случае необходимо точно установить правовой режим сведений о частной жизни, которыми гражданин поделился с другими лицами. Несмотря на то, что для таких лиц доверенные сведения перестали быть тайной,

³ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

право на неприкосновенность этих сведений о частной жизни со стороны третьих лиц тем не менее остается. Этот вывод распространяется и на случаи, когда лицо обладает сведениями о частной жизни другого гражданина в силу случайных обстоятельств. Представляется, что в таких случаях распространение подобной информации о частной жизни лица содержит все признаки нарушения конституционного права на неприкосновенность личной и семейной тайны» [16, с. 56].

Изучение судебной практики показывает, что больше всего вопросов возникает относительно распространения сведений о судимости граждан (в каком случае они являются персональными данными, а в каком – личной тайной). К примеру, решением Оленинского районного суда Тверской области Д. был назначен административный штраф по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ за распространение персональных данных одного из жителей района. В судебном заседании было установлено, что Д. под одним из постов в официальной группе правительства Тверской области в социальной сети «ВКонтакте» в ответ на комментарий К. обнародовал данные о его судимости за незаконный оборот наркотиков. Осуждение К. по ст. 228 УК РФ за продажу 136,6 г маковой соломки подтверждается приговором, размещенным на сайте Оленинского районного суда за 2013 г. Ответчик Д. полагал, что информация о судимости К. не являлась личной тайной ранее судимого К., поскольку сведения об уголовном преследовании размещены в социальных сетях и в поисковых системах. Указанный комментарий суд признал нарушением закона о персональных данных в части совершения их обработки в случаях, не предусмотренных законодательством Российской Федерации в области персональных данных¹.

Очевидно, что суд принял неверное решение, и вот почему. Ответчик в приведенном примере является частным лицом, а не оператором персональных данных. Он не имеет закрытого доступа к ведомственным базам с личными сведениями о судимых гражданах, как, например, сотрудники правоохранительных органов, и такой доступ не был предоставлен третьим лицом. В этом случае имелись бы основания для привлечения Д., который разгласил информацию, ставшую ему известной в связи со служебной деятельностью, к уголовной ответственности. К тому же Д. распространил соответствующую действительности и общедоступную информацию о судимости К., полученную из открытого источника, которым выступил официальный сайт суда. Думается, здесь сведения о судимости, при определенных обстоятельствах, являются личной тайной, а не персональными данными гражданина К., в интересах которого прокуратура подала иск по факту нарушения неприкосновенности его частной жизни. Ведь объектом нарушения по ст. 13.11 КоАП РФ являются общественные отношения, возникающие в области связи и информации, а не частная жизнь и ее тайна. Иными словами, в действиях Д. нет незаконного распространения персональных данных, а усматриваются признаки разглашения личной тайны. Является ли такое разглашение уголовно наказуемым применительно к данным о чужой судимости или допустимой формой реализации права свободно искать и распространять информацию, свободного выражения мнения, следует решать в зависимости от множества обстоятельств.

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации в своих решениях подтверждали, что «судимость, прежде всего, уголовно-правовой институт, имеющий значение для целей реализации

¹ Решение Оленинского районного суда Тверской области от 03.03.2019 г. по делу № 2-11/2019 // Актофакт: сайт. URL: [https://](https://actofact.ru/case-69RS0022-11-3-2019-2019-03-13-0-1/?ysclid=lus0lbpzx498999100)

actofact.ru/case-69RS0022-11-3-2019-2019-03-13-0-1/?ysclid=lus0lbpzx498999100 (дата обращения: 14.02.2024).

уголовной ответственности. За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера (постановление от 10 апреля 2013 г. № 20-П; определения от 29 сентября 2015 г. № 2100-О, от 28 января 2016 г. № 198-О, от 10 марта 2016 г. № 450-О и № 451-О и др.). В этом разъяснении речь идет о *правовых* ограничениях, которые предусмотрены в качестве последствий судимости, а не о свободном нахождении информации о судимости в открытых источниках. Именно потому законодатель, пытаясь урегулировать вопросы, связанные с распространением информации именно о судимости, внес изменения в так называемый закон «о забвении» (право на удаление) (ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

С 2016 г., если судимость погашена или снята, а сроки привлечения к ответственности за уголовно наказуемые деяния истекли, по требованию заявителя оператор поисковой системы обязан прекратить выдачу ссылок на страницы в сети Интернет с такой информацией¹. К слову, в теории нашлись критики этой законодательной новеллы [17, с. 291], а суды изыскивают разные основания отказа в требовании удалить неактуальные

данные о судимости вопреки императиву «*обязан прекратить*» (ссылаются, к примеру, на ст. 29 Конституции РФ о праве свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом)².

Судимость по ст. 10 «Специальные категории персональных данных» ФЗ № 152 хотя и не относится к данным, которые обработке не подлежат, однако сведения о ней обрабатываются государственными или муниципальными органами исключительно в пределах и в порядке, предусмотренных законами Российской Федерации. Подобная оговорка в отношении судимости говорит о дополнительной защите этого вида персональных данных. В 2019 г. Роскомнадзор разъяснял, что информация о наличии судимости в значении «имеется» или «не имеется», если нет указания статьи УК РФ, не считается специальной категорией персональных данных, а потому ведомство предлагало вместо понятия «персональные данные о судимости» использовать «сведения о судимости». Суды не восприняли такую рекомендацию Роскомнадзора и не оценивали объем обрабатываемых сведений о судимости. Ссылаясь на ст. 10 ФЗ № 152, они давали правовую оценку информации о судимости, причисляя ее к специальным категориям персональных данных³. Исключением здесь является раскрытие факта привлечения к уголовной ответственности или осуждения судебными или правоохранительными органами сугубо в рамках своей компетенции и в соответ-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ : послед. ред. // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 14.02.2024).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28.09.2017 по делу № 33-38902/2017 // Консультант Плюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 14.02.2024).

³ Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 25.11.2016 по делу № 12-1517/2016 // Актофакт: сайт. URL: <https://actofact.ru/case-25RS0001-12-1517-2016> (дата обращения: 14.02.2024).

ствии с законом (при вынесении приговора, расследовании уголовных дел).

К сведениям о судимости в значении личной тайны правоприменителем сформулирован однозначный подход: они ее не составляют. Сложившаяся практика свидетельствует: совершение любого по тяжести преступления носит общественно опасный характер, а потому действия виновного подлежат контролю со стороны государства. Уголовно-правовые отношения являются публично-правовыми и не входят в круг отношений частного характера, а значит, сведения об имевшей место в прошлом судимости к сведениям частного характера не относятся и защите уголовным правом не подлежат. Вместе с тем, как считают суды, в размещении текста приговора со сведениями о судимости могут усматриваться признаки административного правонарушения (ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства РФ в области персональных данных»)¹.

По логике судей, сведения о судимости как персональные данные человека при обработке оператором должны сохраняться в режиме конфиденциальности, не допускающем их разглашения без согласия субъекта. В то же время личной тайной они не являются, что позволяет любому (не оператору) распространять информацию о судимости без согласия бывшего осужденного. Авторы учебников по уголовному праву, напротив, отмечают, что личной тайной могут быть как позорящие сведения (о судимости, наличии заболеваний, которые не принято афишировать, например, венерических), так и иные сведения, которые лицо не хочет делать достоянием других (о состоянии здоровья, семейных и иных взаимоотношениях, имущественном положении, перспективах карьерного роста, отношении к религии и др.) [7; 18, с. 211].

¹ О неприкосновенности частной жизни // Прокуратура Березовского района: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/activity/legal-education/explain?item=90908867 (дата обращения: 14.02.2024).

Представляется, что разграничивать, в каком случае сведения о судимости были личной тайной, а в каком – персональными данными в режиме конфиденциальности, позволяет сфера жизнедеятельности, в которой произошло распространение (предание огласке) этого биографического факта. Если разглашение явилось следствием утечки личной информации от операторов (отделы кадров, правоохранители, суды, банки, социальный фонд), то речь идет о нарушении правил обеспечения безопасности переданных третьим лицам персональных данных. После снятия или погашения судимости сведения о судимости из сферы публичных отношений трансформируются в частные как факт биографии человека. И тогда защитой публичных интересов нельзя оправдать превращение частной жизни лица с ее тайнами в публичный институт. Именно таким пониманием границ частной жизни объясняется подача гражданами жалоб в Конституционный и Верховный суды РФ о признании неконституционными или частично не действующими положений Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования (приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 7 ноября 2011 г. № 1121²) [19, с. 78]. Для защиты публичных интересов более чем достаточно тех

² Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования: приказ МВД России от 27 сент. 2019 г. № 660 // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056910> (дата обращения: 14.02.2024).

запретов, перечень которых законодатель постоянно дополняет (по подсчетам Н. В. Артеменко и Н. Г. Шимбаревой, больше 100 федеральных законов содержат ограничения, связанные с судимостью, когда она в том числе погашена или снята [20, с. 147]).

Для достижения баланса частных и публичных интересов и установления пределов государственного вмешательства в частную сферу следует менять подход правоприменителя к погашенной или снятой судимости, когда лицо становится юридически несудимым. В Постановлении от 18 января 2024 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» Конституционный Суд РФ признал, что «личное право человека, касающееся определения режима доступа к сведениям о его частной жизни, не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты иных конституционно значимых ценностей». При этом он подчеркнул необходимость достижения баланса «конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, предупреждая возможные злоупотребления отдельных из них и обеспечивая необходимый и достаточный уровень защиты прав добросовестных участников этих отношений»¹.

По нашему убеждению, если судимость погашена или снята, сведения о ней переходят из разряда публично-правовых отношений в частные, становясь личной тайной. Последнее обстоятельство должно приниматься во внимание при решении вопроса об уголовной ответственности по ст. 137 УК РФ. Под-

тверждает авторскую аргументацию и решение Верховного Суда РФ, разрешившего привлекать к отправлению правосудия присяжных заседателей с погашенной судимостью. Так, в 2005 г. заместитель Генерального прокурора РФ в порядке надзора просил отменить как незаконный оправдательный приговор Московского городского суда в отношении В. К. Иванькова («Япончик»), которому инкриминировались два убийства граждан Турции и причинение тяжкого вреда здоровью третьему. Вердикт был постановлен коллегией присяжных заседателей, восемь из которых умолчали о своей судимости и проблемах с законом у близких родственников. По мнению представителя Генеральной прокуратуры РФ, сокрытие сведений о судимости повлекло формирование тенденциозной и необъективной коллегии. Рассмотрев надзорное представление, Президиум Верховного Суда РФ не признал состав суда незаконным, поскольку ни один из присяжных заседателей и их родственников не имел неснятую или непогашенную судимость. В соответствии с ч. 3 ст. 328 УПК РФ кандидаты в присяжные заседатели должны отвечать правдиво на вопросы о себе и родственниках. Высшая судебная инстанция проверила представленные доводы, указав, что некоторые из присяжных заседателей и их родственники привлекались к уголовной ответственности, имели административные правонарушения, однако их судимости сняты или погашены. Именно потому ответы кандидатов в присяжные заседатели на вопрос о том, были ли они или их родственники судимы, должны признаваться правдивыми. «Лицо, имеющее погашенную судимость, на основании ст. 86 УК РФ может отвечать, что оно не судимо», – следует из текста Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 10 апреля 2006 г. № 59-П06ПР².

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке: постановление Конституционного Суда РФ от 18 янв. 2024 г. № 2-П // Российская газета. 2024. 2 февр.

² Суд оставил без изменения кассационное определение, поскольку в связи с опровержением доводов надзорного представле-

В этом смысле распространение без согласия человека информации о его судимости, погашенной или снятой, если этот факт не стал общедоступной информацией, а данные о ее наличии лицо хранило в секрете, следует оценивать как нарушение личной тайны. Иначе возникает противоречие между правовой защитой персональных данных, когда операторы обязаны сохранять сведения о судимости и иные личные данные в режиме конфиденциальности, и охраной личной тайны о судимости не операторами, а лицами, которым она доверена или стала известна случайно. Следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, полагаем, что разглашение без согласия лица не оценивается как уголовно наказуемое, если информация об имевшейся в прошлом судимости опубликована и (или) известна широкому кругу лиц.

Говоря об общедоступности сведений о судимости, необходимо обратить внимание на следующее. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» предоставляет опцию поиска по делам и текстам судебных актов с персональными данными осужденного. Она является такой же ведомственной базой личных данных судебных органов, как и другие информационно-поисковые системы правоохранительных органов. Между тем, в соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ № 3), обработка, внесение в банки данных информации обо всех лицах, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию, ее хранение правоохранительными органами и раскрытие допускаются толь-

ко в случаях, предусмотренных федеральным законом. Полиция обязана обеспечить защиту содержащейся в банках данных информации о гражданах от неправомерного доступа, копирования, распространения, уничтожения и иных неправомерных действий (чч. 4–6 ст. 17 ФЗ № 3). Эта информация хранится не бессрочно и подлежит уничтожению по достижении целей обработки либо по минованию необходимости в их достижении (чч. 2, 7 и 8 ст. 17 ФЗ № 3). В отличие от баз данных МВД РФ ГАС «Правосудие» хранит информацию об осужденных в открытом доступе, включая сайты судов, размещающих тексты приговоров [21, с. 61]. К тому же наличие в ней приговоров в отношении только лиц, осужденных после 2006 г., с полными номинативными данными (ФИО) ставит их в неравное положение с теми, кто был осужден до момента ее введения. Иными словами, в информационно-поисковой системе, находящейся в открытом доступе, нет сведений о судимости осужденных за те годы, в которые она еще не действовала.

В этой связи представляется верным решение об исключении из общедоступной базы данных об обвинительных приговорах в отношении юридически не судимых лиц (если судимость погашена или снята), а также полной деперсонализации данных об осужденном (ФИО). Это правило должно распространяться и на тексты приговоров, вступивших в законную силу, с исключением из объема сведений персональных (номинативных) данных осужденных, размещаемых на страницах официальных сайтов судов. Согласно пп. «в» п. 3.2 ст. 15 Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденного Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2017 г., фамилии, инициалы или имена

ния о незаконном составе суда по настоящему делу отсутствуют какие-либо фундаментальные основания к отмене судебного решения, ухудшающие положение оправданного. См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 апр. 2006 г. № 59-П06ПР // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2006. № 9.

и отчества осужденного, оправданного не исключаются¹. Об этом же говорится в п. 3 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»². Полностью вымарываются персональные данные других участников судебного процесса. Открытый доступ к информации о погашенной или снятой судимости не достигает каких-то профилактических, предупредительных целей, однако позволяет использовать ее для совершения преступлений в отношении лиц, имевших проблемы с законом в прошлом.

Так, по резонансному делу по обвинению администраторов телеграм-канала «Адские бабки» О. Архаровой и А. Баязитовой в вымогательстве установлено, что осужденные требовали передачи 1 млн 200 тыс. руб. у вице-президента «Промсвязьбанка» А. Ушакова. Мужчина был осужден в 2006 г. за незаконную банковскую деятельность и подделку документов, когда возглавлял отделение «Стройбанка» в г. Краснодаре. Через три года судимость была погашена, однако информацию о ней женщины нашли в сети Интернет. За плату они обещали удалить негативные посты о судимости потерпевшего в своем канале и отказаться

от дальнейшего размещения позорящих его сведений³.

Как уже предлагалось автором, в целях предупреждения, выявления и расследования преступлений данные о прежней судимости подлежат хранению в базах спецучета, однако по истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности или ввиду погашения (снятия) судимости они должны составлять категорию личной тайны [19, с. 77]. Возможно установить отдельный перечень преступлений, информация о судимости за совершение которых в общественных интересах не будет подлежать удалению из публичного пространства (тяжкие преступления против личности, половые, против детей, террористический акт, экстремизм, незаконный оборот наркотиков). Примером может служить ст. 331 ТК РФ «Право на занятие педагогической деятельностью», в которой перечислены деяния, судимость за совершение которых навсегда исключает возможность заниматься преподаванием.

Выводы

В силу разности схожих понятий «сведения о частной жизни», «личная тайна», «персональные данные» правоприменителю надлежит учитывать их несовпадение по содержанию при квалификации по составам преступлений, которые используются в уголовном законе для охраны частной жизни, личной тайны и персональных данных.

С момента погашения или снятия судимости сведения о ней перестают характеризоваться как публично-правовые отношения в силу их прекращения. После наступления юридической несудимости данные об осуждении становятся личной тайной человека, а для операторов персональных данных (сотрудников право-

¹ Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2017 г. // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280272/ (дата обращения: 14.02.2024).

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ : послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 14.02.2024).

³ Журналистку Баязитову приговорили к пяти годам колонии // РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2023/65645a0b9a79476fcfaf083d?ysclid=ltlpu0ez4d61472992> (дата обращения: 14.02.2024).

охранительных органов, отделов кадров, банковских работников) конфиденциальной информацией, подлежащей охране в рамках профессиональной тайны. Именно потому граждане обращаются в суды за решением вопроса о признании Административного регламента МВД нарушающим их личную тайну, а не право на обработку персональных данных. Для исключения возможности превращения тайны частной жизни в публичный институт следует удалить из системы ГАС

«Правосудие» приговоры, содержащие номинативные данные осужденных, судимость которых погашена или снята. Они должны храниться в ведомственных базах (информационно-поисковых системах) правоохранительных органов для проведения оперативно-розыскных мероприятий, что соответствует положению «закона о забвении» об удалении из поисковых систем информации о факте уголовного преследования и судимости.

Список литературы

1. Капинус О. С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10–15.
2. Хохлова Е. В. О практике квалификации преступлений с персональными данными // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2023. С. 285–290.
3. Гулиева Н. Б.-К. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации от незаконного распространения сведений о частной жизни лица // СибСкрипт. 2014. № 3 (59). С. 262–265.
4. Дремлюга Р. И. Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ // Уголовное право. 2018. № 4. С. 52–57.
5. Жарова А. К., Елин В. М. Источники понятий «персональные данные» и частная жизнь лица в российском праве // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1 (46). С. 69–78.
6. Карапетян А. О частной, личной и семейной тайне в уголовном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 3. С. 34–37.
7. Кильдеев Р. Р. Право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту данных: проблемы соотношения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 83–88.
8. Пикуров Н. И. Персональные данные, «большие данные» и частная жизнь: сложные вопросы уголовно-правовой оценки незаконного оборота // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 201–205.
9. Судакова О. В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30). С. 381–384.
10. Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35–43.
11. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2021. 468 с.
12. Долинская В. В. Информационные отношения в гражданском обороте // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 4. С. 3–14.

13. Рузанова В. Д. Проблемы соотношения защиты права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 9. С. 17–22.
14. Хохлова Е. В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными // *Вестник Тверского государственного университета*. 2022. № 3(71). С. 141–148.
15. Шутова А. А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015. № 4 (32). С. 332–335.
16. Пикуров Н. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // *Уголовное право*. 2019. № 2. С. 51–58.
17. Подрабинок Е. М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 290–300.
18. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части / под ред. А. И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. 211 с.
19. Алихаджиева И. С. Судимость как персональные данные и основание общеправовых ограничений // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 65–79.
20. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Как работает судимость? // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2021. № 4. С. 145–153.
21. Колмыков И. П. Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на судебную защиту в контексте доступа к персональным данным: поиск баланса интересов // *Право и политика*. 2020. № 5. С. 58–67.

References

1. Kapinus O. S. Bezopasnost' personal'nyh dannyh kak odin iz vazhnejshih ob"ektov konstitucionno-pravovoj ohrany [Personal data security as one of the most important objects of constitutional and legal protection]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 6 (68), pp. 10–15.
2. Khokhlova E. V. [On the practice of qualifying crimes with personal data]. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal law: yesterday, today, tomorrow. Materials of the annual International scientific and practical conference]. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. MVD Ros-sii Publ., 2023, pp. 285–290. (In Russ.)
3. Gulieva N. B.-K. Uголовно-правовая зашchита chesti, dostoinstva i reputacii ot nezakonnoogo rasprostraneniya svedenij o chastnoj zhizni lica [Criminal law protection of honor, dignity and reputation from illegal dissemination of information about the private life of a person]. *SibScript = SibSkript*, 2014, no. 3 (59), pp. 262–265.
4. Dremlyuga R. I. Komp'yuternaya informaciya kak predmet prestupleniya, predusmotrennogo st. 272 UK RF [Computer information as a subject of a crime under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2018, no. 4, pp. 52–57.
5. Zharova A. K., Elin V. M. Istochniki ponyatij "personal'nye dannye" i chastnaya zhizn' lica v rossijskom prave [Sources of the concepts of "personal data" and the private life of a person in Russian law]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2017, no. 1 (46), pp. 69–78.

6. Karapetyan A. O chastnoj, lichnoj i semejnoj tajne v ugolovnom sudoproizvodstve [On private, personal and family secrets in criminal proceedings]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of economics and legal practice*, 2013, no. 3, pp. 34–37.

7. Kil'deev R. R. Pravo na neprikosновенност' chastnoj zhizni i pravo na zashchitu dannyh: problemy sootnosheniya [Right to privacy and the right to data protection: problems of ratio]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 2, pp. 83–88.

8. Pikurov N. I. [Personal data, "big data" and private life: complex issues of criminal law assessment of illicit trafficking]. *Effektivnost' ugolovno-pravovogo, kriminologicheskogo i ugolovno-ispolnitel'nogo protivodejstviya prestupnosti. Materialy XII Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava* [Efficiency of criminal law, criminological and penitentiary counteraction to crime. Materials of the XII Russian Congress of Criminal Law]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, pp. 201–205. (In Russ.)

9. Sudakova O. V. Lichnye neimushchestvennye prava, napravlennye na obespechenie neprikosновенности i tajny lichnoj zhizni grazhdan [Personal non-property rights aimed at ensuring the inviolability and secrecy of the personal life of citizens]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*, 2020, no. 1 (30), pp. 381–384.

10. Filatova M. A. Personal'nye dannye kak predmet prestupnogo posyagatel'stva [Personal data as a subject of criminal encroachment magazine]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2021, no. 11, pp. 35–43.

11. Savel'ev A. I. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu "O personal'nyh dannyh" [Scientific and practical article commentary on the Federal Law "On Personal Data"]. Moscow, Statute Publ., 2021. 468 p.

12. Dolinskaya V. V. Informacionnye otnosheniya v grazhdanskom oborote [Information relations in civil circulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2010, no. 4, pp. 3–14.

13. Ruzanova V. D. Problemy sootnosheniya zashchity prava na neprikosновенност' chastnoj zhizni i prava na zashchitu personal'nyh dannyh [Problems of the relationship between the protection of the right to privacy and the right to protect personal data]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2019, no. 9, pp. 17–22.

14. Khokhlova E. V. Social'naya obuslovlennost' ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya, svyazannye s personal'nymi dannymi [Social conditioning of criminal liability for crimes related to personal data]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tver State University*, 2022, no. 3 (71), pp. 141–148.

15. Shutova A. A. Social'naya obuslovlennost' sushchestvovaniya norm ob ugolovnoj otvetstvennosti za posyagatel'stva na personal'nye dannye [Social conditionality of the existence of norms on criminal liability for attacks on personal data]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4 (32), pp. 332–335.

16. Pikurov N. Problemy kvalifikacii prestupnyh posyagatel'stv na chastnuyu zhizn': teoriya i sudebnaya praktika [Problems of qualification of criminal encroachments on privacy: theory and judicial practice]. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2019, no. 2, pp. 51–58.

17. Podrabinok E. M. Osobennosti osushchestvleniya prava na zabvenie v epohu cifrovizacii obshchestva [Features of the exercise of the right to oblivion in the era of digitalization of society]. *Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac*, 2019, no. 2, pp. 290–300.

18. *Ugolovnoe pravo Rossijskoi Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal law of the Russian Federation. General and Special parts]; ed. by A. I. Chuchaeva. Moscow, KONTRAKT Publ., INFRA-M Publ., 2013. 211 p.

19. Alikhadzhiyeva I. S. Sudimost' kak personal'nye dannye i osnovanie obshchepravovyh ogranichenij [Criminal record as personal data and the basis of general legal restrictions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2024, no. 14 (1), pp. 65–79.

20. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Kak rabotaet sudimost'? [How does a criminal record work?]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2021, no. 4, pp. 145–153.

21. Kolmykov I. P. Sootnoshenie prava na neprikosновенность chastnoj zhizni i prava na sudebnuyu zashchitu v kontekste dostupa k personal'nym dannym: poisk balansа interesov [Correlation of the right to privacy and the right to judicial protection in the context of access to personal data: finding a balance of interests]. *Pravo i politika = Law and policy*, 2020, no. 5, pp. 58–67.

Информация об авторе / Information about the Author

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X

Inna S. Alikhadzhiyeva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X